

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

но уже не в понимании календарной смены времен года, а в более широком, сакральном смысле: гибель Снегурочки – особое событие, ибо в сердца берендеев она принесла тепло и солнце.

Примечания

¹ *Островский А.Н.* Снегурочка // Островский А.Н. *Театр и жизнь: Избранные пьесы.* – М., 1995. – С. 213–232. Далее текст цитируется по этому изданию.

² *Журавлева А.И.* Поздний Островский в свете социокультурных проблем эпохи // *Литература в школе.* – 2003. – № 8. – С. 12.

³ *Афанасьев А.Н.* *Древо жизни.* – М., 1982. – С. 114.

КВАЛИФИКАТИВНЫЕ МОДУСНЫЕ СМЫСЛЫ В ВЫСКАЗЫВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)

З.Р. Латфулина, ТГУ, соискатель
Научный руководитель – Т.А. Демешкина

В современной лингвистике актуальны исследования в области модусных смыслов, отражающих оценки участников коммуникации. Говорящий человек, репродуцируя то или иное высказывание, может оценивать получаемую или сообщаемую информацию со стороны её достоверности/недостоверности, включать в состав сообщения сведения об источниках излагаемой информации и т.д.

Т.В. Шмелёва определяет несколько модусных категорий, среди которых актуализационные, квалификативные и социальные категории¹. В данной работе мы не будем определять весь комплекс модусных категорий, а проанализируем только две из них – персуазивность и авторизацию (интерпретируем их в духе концепции Т.В. Шмелевой).

В качестве источников использовался иллюстративный материал диалектных словарей².

Персуазивность и авторизация относятся к квалификативным смыслам высказывания и исследуются в трудах В.А. Белошапковой, Т.В. Шмелёвой, А.Г. Етко, Г.А. Золотовой, М.Ф. Шацкой, О.Н. Копытова, Е.Е. Долбик и др. Задача указанных категорий – квалифицировать предлагаемую информацию с авторских позиций.

Категория персуазивности – это «оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности/недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания»³. Основными модусными параметрами статусных характеристик категории персуазивности являются план содержания и план выражения. В.А. Белошапкина отмечает, что обязательная в плане содержания категория персуазивности крайне редко проявляется в плане выражения, и объясняет это тем, что специальных показателей требует только неуверенность автора в достоверности предлагаемой им информации, уверенность же как нормальное положение дел никакими сигналами не сопровождается (выражается имплицитно)⁴. План содержания персуазивности включает объект квалификации, квалифицирующий субъект и основания персуазивной квалификации события. Объектом квалификации является объективный слой смысла высказывания (диктум). Субъектом персуазивной квалификации является говорящий, с позиции которого осуществляется квалификация события. Основанием квалификации служит стремление говорящего квалифицировать сообщаемое с точки зрения его достоверности/недостоверности. Имеется в виду субъективное отношение говорящего к высказыванию, а не достоверность/недостоверность как объективное свойство информации, подлежащей проверке.

План выражения категории персуазивности устроен таким образом, что специальные средства вводятся только в случае неуверенности автора, вернее, как отмечает Т.В. Шмелева, «при его желании осведомить об этом слушателей»⁵. Введение показателей персуазивности происходит в случае, когда автор не располагает знаниями, достаточными для полного описания ситуации, либо стремится избежать излишней прямолинейности, настойчивости.

В плане выражения категория персуазивности в сибирских русских народных говорах проявляется достаточно разнообразно.

Эксплицитными показателями недоверности на лексическом уровне выступают модальные слова и частицы (часто в сочетании с местоименными наречиями и другими частицами) (*авось-небось, будто/быдто, бышино, бышеть, верно, видам/по видам, видать, видимо, видко, видно/как видно, возможно, вроде/вроде бы, как вроде/как вроде бы/вроде бы как, как-то вроде, будто как вроде, вряд ли, должно быть, едва ли, кажется, кажись, мабуть/мобуть, мож/можжа/може/может/может, мож быть/можжа быть/може быть, может быть/может быть, может стать, можечки, наверно, небытцым, нечай, никак, однако, однакось, однакоче, по-видимому, поди/поди как, подикось, пожалуй, по-моему, ровно, чать, что ли (ль)/чё ли (ль)*), выражающие предположительность высказывания, вероятность его, неуверенность в точности излагаемой информации: *Мне кажется хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и тоже повторяется перед серией; Она утравилась* [рыба]. *Может, кака вредительства; Здесь как быдто церковь была, монастырь. Можжа быть. Здесь, пожалуй, больше никто не знает об этом.*

Ограниченность круга модально-вводных единиц со значением персуазивности в диалектном высказывании восполняется использованием носителями языка других средств – выразителей субъективной модальности. К ним, в частности, относятся:

- слова и сочетания, ситуативно выполняющие функцию показателей неуверенности: *не знаю, токо слыхала так, правда ли неправда, правда ли нет, почём знать, кто его знает* и др.: *Он и не краснопрутник, а я вот как объясню, правда ли неправда; Не знаю, правда – нет, он говорит, что мы триста брали, дак мы их* [рубли, деньги] *положили;*

- конструкции с однородными членами, где последний член ряда представлен отнесенным местоимением (часто в сочетании с *ли*), повторяющим синтаксическую позицию предыдущих членов ряда и связанных с ними при помощи разделительных союзов *или, иль, али, аль, ли*⁵: *Он* [коленчатый вал] *в картофеле-копалке или где в сажалке ли, поливалке ли, вал везде есть;*

- конструкции с начальным *либо, али*, которые затруднительно квалифицировать как разделительные союзы: *Ну и так долго они были в воде-то. Либо недель шесть они в воде были, потом уже вытащили баграми тащили; Али ты не здешний?; Али не лягешь, ишо будешь уросить, ишо будешь кричать?;*

- конструкции с союзами и союзными частицами, изолированно или в комбинации друг с другом, выражающие тонкие оттенки неточности сообщения: *То ли там попы хозяйничали, то ли чё ли, я не знаю; То ли вода попала ей банна, то ли чё...* Повторяющийся разделительный союз *то ли ... то ли...*, определяемый как союз со значением «внешнего сходства», вносит значение предположительности, дополнительную информацию о неуверенности, сомнении, колебаниях говорящего.

Значение неуверенности в достоверности информации может быть внесено в высказывание при помощи показателей авторизации (как с семантикой «своя информа-

ция», так и «чужая» – по-моему, мне кажется, я думаю, говорят, мол и т.д.): *Жбан – туесок из береста, по-моему; Зимой раньше, по-моему, не ловили, давно уже стали ловить; А тогда, мне кажется, деньги не бросали, только землю набросают и всё.* Вводное по-моему, мне кажется – это не только и не столько указание на источник сообщения, но и сигнал того, что говорящий не настаивает на своей позиции, не навязывает свою точку зрения.

Категория авторизации, по мнению Т.В. Шмелевой, представляет собой «модусную категорию, с помощью которой излагаемая в предложении информация квалифицируется в отношении источников или способов ее получения»⁶.

План содержания авторизации организуется противопоставлением «свое/чужое по отношению к автору». Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое») (*Недослышал он... я думаю, может, по породе: у нас мама глуха*), или кто-то другой, не говорящий («чужое») (*Ботать рыбу не говорили. Мож, где и говорят. Везде всё по-разному*). Средствами авторизации (план выражения) могут быть предложно-падежные формы имени (*для него, по его мнению*), двусоставные глагольно-именные модели (*я вижу, мы наблюдаем, он считает*), «обезличенные» варианты с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т.п.)⁷.

Нас интересуют случаи пересечения категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании, поскольку, по словам А.В. Бондарко, «подсистемы модальных значений, выделяемых по разноаспектным признакам, частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение (в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается), входит в разные ряды»⁸. Связь между категориями персуазивности и авторизации, по замечанию Т.В. Шмелевой, мотивирована тем, что «разные способы получения информации по-разному воспринимаются в отношении их надежности...»⁹.

Информация о мире может быть получена говорящим из собственных наблюдений – из собственного чувственного опыта либо путем умозаключений: *Я во сне вижу: гряда вот така, така вот, метру, наверно бы, шириной* (авторизирующая модель с глаголом зрительного восприятия подчеркивает «авторство» высказывания). Информация о некотором положении дел может быть получена говорящим из другого источника (чужая информация). Показатели авторизации используются в тех случаях, когда есть указание на источник сообщения, в достоверности которого говорящий, как правило, не уверен. В этом случае автор стремится снять с себя ответственность за неверно высказанное суждение: *На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, быдто бы они мне вот это место стригли, цыгане; Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли [ребёнка]; Чичас вот, говорят, чичас вот это, быдто бы из гусиного мяса делат пельмени*. В подобных высказываниях есть показатели чужой речи (*родня, гыт, говорит* и др.). Модальный союз *будто/быдто (бы)* употребляется в значении пересказывательности, вводит чужую речь и подчеркивает ее недостоверный характер.

Своя информация более достоверна, чем чужая: *Ну это, наверное, говорили ветродуй, что он такой, какой-то баламошный, ну как его назвать, не знаю даже, какой он. Вот мене кажется, что он крутлявый такой это, ветродуй. Ну это, наверно, взбаламутить*.

Комплексное выражение авторизации и персуазивности встречается обычно в высказываниях характеристики или сопровождает событийные пропозиции, отражающие информацию, не подлежащую огласке (зачастую в таких случаях источник мысли пред-

ставлен как лицо неопределенное: оно либо неизвестно говорящему, либо сознательно им не называется из этических соображений, соображений осторожности): *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли [ребёнка]; На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, **будто бы** они мне вот это место стригли, цыгане; **Будто** она, гыт, пьяна была; А, **будто**, так бабка говорит, что она на меня походит; Про Ельцина ничё не слышали? **Наверно, болтанули**; А у нас одна девушка час позвончик изломала. Ну. **Говорят**, ходить **вряд ли** будет.* В последних двух высказываниях источник мысли представлен как лицо неопределенное. Особенно часто в этой функции используются неопределенно-личные конструкции: *говорят, болтают* и др.

Языковые факты доказывают взаимодействие персуазивности и авторизации, когда маркер авторизации приобретает персуазивное значение, например: предположительности: *По-моему, из березника не строят [дома]. Нет. Сосновые, ну а берёзы, по-моему, нет; А за анонимки час, по-моему, уголовное дело возбуждается.*

Таким образом, мы попытались описать квалификативные модусные категории диалектного высказывания – персуазивность и авторизацию. В плане выражения категория персуазивности проявляется достаточно разнообразно. Для экспликации значения недостоверности активно используются языковые средства, обслуживающие модусную категорию авторизации. В диалектном высказывании отмечается взаимосвязь персуазивности и авторизации. Значения авторизации и персуазивности тесным образом связаны между собой, поскольку оценка достоверности информации в значительной степени определяется тем, каков ее источник и насколько сам говорящий доверяет данным, почерпнутым из этого источника.

Примечания

¹ См.: Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, 1988. – 54 с.; *Она же*. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобуковой. – М., 1984. – С. 78–100; *Она же*. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук в виде научного доклада. – М., 1995. – 40 с.

² *Вершининский словарь* / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск, 1999. – Т. 1; 1999. – Т. 2; 2000. – Т. 3; 2001. – Т. 4; Т. 5; 2002. – Т. 6; Т. 7; *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби* / под ред. В.В. Палагиной. – Ч.1; ч.2. – Томск, 1975; *Среднеобский словарь* (Дополнение) / под ред. В.В. Палагиной. – Томск, 1983–1986. – Ч. 1–2; *Полный словарь сибирского говора* / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1992. Т.1; 1993. Т.2, Т.3; 1995. Т.4; *Областной словарь Кузбасса* / под ред. Э.В. Васильевой. – Кемерово, 2001. – Вып. 1; *Словарь русских говоров Кузбасса* / под ред. Жураковской Н.В., Любимовой О.А. (отв. ред.). Новосибирск, 1976; *Словарь русских говоров Сибири*. Т. 1–4 / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 2001; *Словарь русских говоров Новосибирской области* / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1979; *Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья* / авт.-сост. Т.Б. Банкова. – Томск, 2003; *Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1977.

³ См.: Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1999. – С. 772.

⁴ Там же. С. 773.

⁵ См.: Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобуковой. – М., 1984. – С. 89.

⁶ См. об этом в ст.: Петрунина С.П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – Новокузнецк, 1992. – С. 62–69.

⁷ Шмелева Т.В. Указ. соч. – С. 90.

⁸ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2005. – С. 263–264.

⁹ *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность* / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 60.

¹⁰ Шмелева Т.В. Указ. соч. – С. 91–92.